

18+

Олег
Пет

ЖЕНЩИНА,
КОТОРУЮ
ЗВАЛИ

Королева

Олег Пет

Женщина, которую звали королева

<https://litres.ru/73750443>

ISBN 9785006936652

Аннотация

Он существовал, как дым от сигареты в непроветренной комнате серый привычный безвкусный. Но пришла она.

Она ворвалась не столько в дверь, сколько в сам воздух его существования, как вспышка магия в сумерках.

А потом он ее потерял. Словно кто-то выключил солнце в самый ясный день, и наступила не ночь.

Он искал ее смех в чужих улыбках, отсвет ее взгляда в посторонних глазах. Не находил. И тогда отчаяние накрывало с головой — тягучее, беспощадное.

Остался лишь один вопрос А что, если бы?

Содержание

Черногория	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Женщина, которую звали королева

Олег Пет

© Олег Пет, 2026

ISBN 978-5-0069-3665-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черногория

Машина рвалась вперед с каким-то злым, животным упрямством. Шины взывали на виражах, цепляясь за раскаленный асфальт, будто пытаясь удержать нас в этом мире. Я машинально вдавливал педаль газа в пол. Стрелка спидометра уже давно перевалила за сто, но это была всего лишь цифра — абстракция, которая не имела отношения к сжавшемуся в комок инстинкту внутри.

Дорога петляла, как змея, по горному хребту. С одной стороны — каменная стена, с другой — пропасть, залитая ослепительным июльским солнцем. Черногория. Красота здесь была пышной, почти наглой, и от этого немного тоскливой. Рядом сидела Диана. Жгучая брюнетка с восточными глазами, в которых читалась тысячелетняя лень и сокрытое высокомерие. Её фигура под легким платьем дышала таким обещанием, что хотелось свернуть с дороги прямо в пропасть — только бы обладать этим здесь и сейчас.

Она сохраняла ледяное спокойствие, но я видел — в уголках её надменно сжатых губ пряталась тонкая, как лезвие, дрожь чистого животного страха. Этот страх был слаще любого алкоголя.

Черный «БМВ» с откинутым верхом слушался руля послушно, почти покорно. Арендная машина, чипованная под

пятьсот лошадей, как уверяла улыбающаяся менеджерша. «Ну что ж, посмотрим, что у тебя под капотом», — бросил я, поймав в зеркале её натянутую улыбку. Не ей. Диане.

Зачем? Ради самого движения. Ради воя ветра, который срывал мысли, как сухие листья. Мне остервенело не хватало этого — чистого, беспримесного адреналина, который выжигает изнутри всю накипь будней. Той самой накипи, что зовется жизнью ген. директора. Акции, контракты, бесконечные лица поставщиков с одинаковыми улыбками — всё это осталось там, далеко, в сером тумане Петербурга. Родина. Это слово звучало сейчас как диагноз.

Здесь, в Черногории, мы с Дианой остановились в «Королеве». Уютный люкс, вид на море, которое сияло, как дешёвая открытка. Первые два дня мы провалялись на пляже, отравляя тело солнцем и местной винно-ракной смесью. А на третий — я сел за руль. Потому что отпуск — это не отдых. Это попытка сбежать от себя прежнего. И сейчас я сбегал. Оставались только рёв мотора, красивая, напуганная эсеница рядом и эта бешенная, бессмысленная скорость, уносящая нас в никуда.

Несмотря на настойчивые взгляды моей спутницы, я продолжал эту адскую гонку, словно на всаднике пришедшего из другой эпохи. От нашего отеля, уютно расположенного в живописном местечке, Рафаиловичи, мы уехали достаточно далеко. Впереди замаячил незнакомый городской пейзаж — Подгорица, столица сказочной Черногории.

— Ну что же, — подумал я, — сделаем остановку. Разведем местные достопримечательности и заодно выпьем кофе. Душа требовала крепкого черного напитка.

Когда черный BMW неспешно заруливал на парковку кафе в центре города, моя спутница, глядя на меня с надеждой, произнесла:

— Саша, я все же надеюсь выпить сегодня пива. Что-то разморило на жаре.

И действительно, день выдался жарким. Солнце крепко встало в зенит, и время неумолимо двигалось к обеду.

Устало миновав зевак, чьи глаза прилипли к нашей машине, как мухи к патоке, мы шагнули в кондиционированную прохладу бара. Прохладу, что обволакивала, как вторая кожа — чужая и временная. Внутри пахло полумраком, старой деревом и пылью, которую не выметают до конца. Цветные стекла мозаики в окнах коптили свет, превращая его в тягучую, окрашенную субстанцию, что лениво стелилась по столешницам. Двое за стойкой, оторвавшись от своих стаканов, бросили на нас быстрые, оценивающие взгляды — взгляды людей, которые давно научились мерить чужаков на вес и стоимость. Потом так же неспешно вернулись к своему разговору — тихому, монотонному, полному местных, незнакомых смыслов.

Здесь время текло иначе. Гуще. Медленнее.

Черноволосый официант возник у столика внезапно, будто вырастал из самой тени. Безупречно белый фартук был на нем, как униформа на солдате чуждой армии. Слова полились скороговоркой, обволакивая гортанными звуками незнакомого языка. Я отгородился от них стеной английского, медленно, по слогам: «Два салата. Черный кофе. И пиво».

Улыбка мелькнула на его лице — быстрая, профессиональная, понимающая больше, чем сказано. «Понятно. Сделаем», — бросил он с легким акцентом, что выдавал опыт сотен таких же случайных встреч, и растворился так же бесшумно, как и появился.

Она уже утонула в холодном сиянии телефона, ее лицо озарено призрачным светом.

«Интересно, — голос ее прозвучал отстраненно, из другого измерения, — как он догадался, что мы русские?»

Вопрос повис в воздухе, смешавшись с запахом кофе и старого дерева. Самый неважный вопрос на свете. В мире, где узнают всегда. По глазам, по молчанию, по той особой усталости, что носят с собой, как неизлечимую болезнь.

Я задумался. «Возможно дело было в опыте или еще чем-то, да впрочем уже не важно.»

Напряжение спадало, как вода сквозь пальцы — медленно и неотвратно. После той бешеной пляски на горном серпантине, где каждый поворот грозился стать последним, адреналин наконец отступил, обнажив тихую, почти звенящую пустоту внутри. Я погружался в неё, как в тёплую воду, — плавно и без сопротивления. Дрожь в руках утихла, колени перестали отбивать свою дикую, невольную дробь. Теперь можно было просто существовать. Дышать. Смотреть.

Местные завсегдатаи, черногорцы, были похожи на саму эту страну — добродушные, солнечные, с морщинками у глаз от смеха. Народ, у которого улыбка — не гостья, а постоянный житель на лице. Стоило поймать чей-то взгляд, и в ответ тут же расцветала эта лучезарная, безоружная улыбка. Простой знак. «Ты здесь свой, и ничего плохого не случится». Это располагало. Размягчало душу, затвердевшую в дорожной пыли и борьбе за каждый метр асфальта.

«Не то, что эстонцы», — мысленно поморщился я. В памяти всплыл хмурый Таллин, серое небо, прижатое к черепичным крышам, и лица — закрытые, так словно запертые на все замки. Недобрые взгляды, скользящие мимо, и это показное, упрямое непонимание. Холод, идущий не от моря, а от людей.

Размышления оборвали быстрые, точные движения официанта. Он бесшумно расставил перед нами заказ — салаты, кофе, пиво. Всё на своих местах, как в чётком, простом мире.

«Всё ли правильно?» — спросил он, и в его взгляде читалась не столько вежливость, сколько профессиональная уверенность.

Кивнув, я отпустил его. Он растворился за стойкой, словно и не было его вовсе. Остались лишь мы, тишина, да эта странная, заслуженная мирная усталость, которая дороже любого возбуждения.

«Что теперь?» — спросила она с усталым любопытством. В её взгляде было скорее желание поймать частицу внимания, чем получить ответ.

«Мы же едем в Острог», — отхлебнув горького, обжигającego кофе, откинулся я в кресло. Плечи сами собой расправились, будто с них сняли невидимый, но осязаемый груз.

«Хорошо, я просто уточнила... Не поменялось ли что», — чирикнула Диана. Ветер бешеной гонки растрепал её волосы, и один упрямый локон, который она то и дело пыталась уложить, снова и снова спадал на лоб. Я спокойно наблюдал за этой маленькой, забавной борьбой. В ней была вся она — настойчивая и чуть беспомощная.

Ну что ж, в конце концов, всё к лучшему. Сорваться, улететь, оставив там, далеко, все дела, все эти важные и ненужные заботы. Здесь же не было ничего. Только мы. И целых две недели впереди — огромный, почти невообразимый кусок времени, принадлежащий только нам.

«Нам ещё долго?» — не отрываясь от своей неравной борьбы с прядью, продолжила она.

«Час. Может, меньше. Там дорога горная — посмотрим, как пойдёт», — ответил я, не сводя глаз с её пальцев, снова и снова безуспешно пытающихся утихомирить непокорные волосы.

«Что ж, хорошо... Я много загадала... Мне надо...» — она не решилась закончить фразу, оставив её висеть в прохладном воздухе бара, среди запаха кофе и тихого звона посуды. Мне надо. Два самых простых и самых сложных слова на свете. Они говорили обо всём — о надежде, об усталости, о том смутном ожидании счастья, в которое уже страшно верить до конца.

Да, путь наш лежал в горы. К монастырю Острог, прилепившемуся к скале, как последнее прибежище отчаявшихся. Там, в каменной утробе, покоились останки святого Василия Острожского. Мы слышали рассказы — их передава-

ли шёпотом, с оглядкой, словно боялись спугнуть самую возможность чуда. Рассказы о том, как отступали болезни, перед которыми пасовали светила медицины. Местные знали эти истории наизусть. И приезжали сюда целыми семьями, с котомками и пустыми глазами, просить, молиться, бить поклоны на холодном камне. Уходили они, как правило, с другим выражением лица — в глазах появлялась та самая хрупкая, но упрямая штука: надежда. И многие, говорят, получали просимое.

Мы с Дианой тоже решили попросить. В этом не было ничего оригинального — только простая, животная тоска по здоровью. Я — за мать, которая уже который год медленно угасает в четырёх стенах своей комнаты. Она — за дочь. Кира ей четырнадцать лет, а в медицинской карте — приговор мелким шрифтом: мышечная дистрофия. Генная ошибка, выпавшая, как роковая карта, девочке. Кортикостероиды, физиотерапия — всё это лишь оттягивало конец, создавало иллюзию борьбы. Полного выздоровления не обещало ничто. Никто.

И вот теперь мы сидели здесь, напротив друг друга, объединённые одной простой и страшной, как выстрел, целью — здоровьем тех, кого любили больше себя. Две одинокие крепости, осаждённые одним и тем же горем. И, между нами, на столе лежала невысказанная мысль: а что, если эта

древняя вера, эта надежда, высеченная в камне, — последнее, что у нас осталось? Последний патрон в обойме. Последняя надежда на побег из невыносимой реальности.

Ну что, поехали?! — голос Дианы, словно нежный ветер, вырвал меня из тёмных глубин грустных размышлений.

Да, Ди — именно так лаконично, но с любовью, я называл её. Она грациозно поднялась, как пантеры, готовые к прыжку, и направилась к выходу. Я торопливо рассчитался с улыбочивым официантом, оставив щедрые чаевые. Тот, с особым теплом в глазах, смотрел нам вслед, словно понимая, что сейчас начинается нечто важное.

BMW взревел, как лев, наполнив воздух мощной энергией форсированного мотора. Мы тронулись в путь — к надежде, к мечте, которая едва теплилась в наших сердцах.

Острог

Дорога уже привычно петляла горными изгибами. Но теперь она сжималась, как удав, и повороты становились злее. Рулю уже не верилось в удачу — резкие рывки лишь подчеркивали хрупкость нашего железа и наших тел над пропастью. Я сбросил газ. Спутница моя выдохнула — не звук, а лишь тень облегчения на лице. Она обмякла в кресле, отдавшись усталости, и от этого стало еще труднее отрываться от нее глаза.

Я ловил моменты — когда дорога позволяла. Ее профиль, улыбка, расточаемая в пространство, сладость голоса, еще висящая в воздухе. От всего этого внутри отзывалась глухая, простая теплота. Счастье? Нет, что-то древнее и проще — облегчение от того, что ты не один в этой вечной пустоте под названием жизнь.

Мыслями я вернулся к нашему нелепому знакомству. Она модель. Я фотограф. Фотография — одно из немногих убежищ, где можно спрятаться от бессмыслицы. Берешь в руки камеру — и унылый, выцветший мир вдруг наряжается на карнавал, начинает кричать цветом и формой. Такой была и она. Красивая, неприступная и с душой, пропахившей сигаретами и дешевым коньяком — в этом была ее отчаянная, порочная правда.

Объявление я дал циничное: «Ваше тело — моя съёмка». Ответ пришел через два часа: «Готова. Когда начнем?» Я не ожидал такой прямоты. Уже на следующий день, в знакомой до тошноты студии, я в нетерпении настраивал софтбоксы, эти ящики с искусственным солнцем. Она вышла из гримерки — и весь этот свет померк. Такой красоты, готовой на размен, я еще не видел. Она была как картина старого мастера, где святость граничит с грехом. Я замер, забыв про камеру.

«Ну что, начнем?» — бросила она вызов. Я нажал на спуск с такой силой, будто хотел убить этот миг, чтобы он никогда не вернулся. Щелчок затвора прозвучал как хлопок дверцы в тишине. Кадр был сделан. Запечатлен не реальный человек, а призрак невероятной, но такой доступной реальности.

Дальше — все плыло, как в дурмане. Свет, дым от машины, пестрые фоны — все смешалось в один долгий, изматывающий танец.

«Я хочу сняться в белье». Ее тихий голос прозвучал как выстрел в упор в тихой комнате.

«Да», — попытался я выдавить из себя, но голос сорвался.

А она уже стояла передо мной. Ажурные чулки, просвечивающая накидка, открывающая взору то, о чем мужчины молча мечтают в своих одиноких койках.

«Давай в следующий раз», — взмолился я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

«Нет. Сейчас». Она топнула каблуком — маленький, но отчетливый звук моего приговора.

Я понял. Капитуляция не принимается. Война продолжалась, но теперь — с новой, сладкой и горькой ожесточенностью.

Так или иначе, наша странная фотосессия продолжилась в ближайшем итальянском ресторане. Я сидел за столиком, сжимая в кармане кулак, собирая в него последние крохи самообладания. Перед глазами все еще стояли ее позы — дерзкие, откровенные, на грани вызова. Она же, моя спутница, была спокойна, как поверхность озера после шторма. Ее взгляд лениво скользил по интерьеру — фальшивым балкам, бутылкам в стеллажах, тусклым светильникам. Здесь было тепло и уютно, обманчиво уютно. За стеклом чернел февраль — петербургский месяц, который не знает ни тепла, ни жалости. Он выжидает, этот город, всегда выжидает.

«Когда будут готовы фото?» — спросила она, и ее голос прозвучал неожиданно звонко в этой мягкой, застойной атмосфере.

«Пара дней», — брякнул я слишком живо, как человек, доложивший по команде. Она кивнула, но в ее молчании, в полупущенных ресницах, в легком движении руки к бокалу читалось ожидание. Тяжелое, осязаемое. Чего она ждала? Или это лишь мираж, порожденный усталостью, одиночеством и ее соблазнительными формами, навсегда запечатленными в холодном объективе? Ловушка разума.

Мысли путались. Что, если спросить прямо? Рискнуть всем этим шатким, только что возникшим миром? И то-

гда, почти не думая, движимый слепым импульсом, я выпал:

«Поедем ко мне?»

Фраза повисла в воздухе, как дым сигареты, ударилась о низкий потолок и упала обратно, глухая и неуклюжая. Наступила пауза. Тяжелая, громоздкая, заполненная тиканьем часов и далеким звоном посуды. Черт. Похоже, все испортил. Идиотский, отчаянный жест. Так думают, прежде чем прыгнуть в бездну.

«Поехали», — сказала она просто. И подняла на меня взгляд — прямой, смелый, без тени улыбки. Она говорила это так, словно принимала вызов. Не мне — судьбе. Той самой судьбе, из цепких лап которой пытаешься вырваться в долгие, одинокие ночи. Когда разговариваешь с тенями на стене, как с последними гостями в своем давно опустевшем доме.

Она отпила вина, поставила бокал. Дело было сделано. Никакого отступления.

Ланд Крузер взревел турбированным мотором — низко, глухо, будто проснувшийся в бетонной норе зверь. За стеклом поплыл серый февральский город, знакомый до тошноты, до сжатых челюстей. Я боялся дышать. Чтобы

не спугнуть это хрупкое, необъяснимое перемирие, которое возникло, между нами.

Она сидела рядом, улыбаясь одними уголками губ. Так улыбаются, когда вспоминают что-то давнее, слегка горькое.

«Я живу на Парке Победы», — неуверенно выдавил я. Будто проверял: звучат ли еще слова в этом внезапном сне. Она кивнула. Кивок был сгорбленный, усталый — кивок человека, который слишком много видел, чтобы удивляться таким мелочам, как чей-то адрес или нелепая встреча.

Я аккуратно вёл «Крузак». В голове, против воли, крутились сюжеты. Один нелепее другого. Мне, которому уже за сорок, и это неземное создание рядом... Я даже не спросил, сколько ей лет. Двадцать два? Двадцать пять? «Я и она» — звучало как плохая шутка. Как выдумка усталого сознания, которое решило сыграть с собой в последнюю, жестокую игру.

«Саша, я попрошу — не выкладывай мои фото, хорошо?» — пропела она, и голос её был лёгким, будто не касался земли.

Я закусил губу. «Да. Хорошо».

Выкладывать фотографии своих работ было моей маленькой, единственной слабостью. Единственным доказательством, что я ещё здесь, что что-то могу. Но сейчас я не мог ответить иначе. Никто бы не смог. Потому что иногда в жизни бывают минуты, когда ты готов отдать все свои доказательства — лишь бы ещё немного побыть в тишине этого странного, невозможного перемирия.

Тяжелый замок, старый добрый привратник моей сталинской однушки, сдавленно скрипнул, уступив натиску. Дверь отворилась — неохотно, будто жалея о темноте и покое, что остались за ней.

Она вошла. И в одно мгновение всё пространство передней наполнилось её запахом. Пахло свежескошенными травами, цветами и чем-то ещё — не городским, не купленным. Так пахла весна. Настоящая весна. Та, что осталась там, в деревне, в тех далёких, выцветших временах, когда бабушка была ещё жива, и можно было гулять с собакой дотемна, и мир казался бескрайним и простым.

Я вдохнул полной грудью. Глубоко, с жадностью, будто пытаясь вытянуть в себя не только аромат, но и ту самую ушедшую пору.

«Возьмёшь куртку?» — её голос вырвал меня из плена воспоминаний, словно крючком. Я вздрогнул.

«Да... прости», — неуклюже протянул я руки, чувствуя себя неповоротливым, грубым. «Проходи... на кухню». И тут же, охваченный внезапной суматохой, бросился в комнату, пытаясь спрятать разбросанное бельё, следы одинокого, неубранного быта. «У меня... не убрано», — пробормотал я в пустоту, уже понимая, что скрыть этот беспорядок — и в комнате, и в душе — всё равно не удастся.

Она тихо опустилась на стул, оглядев кухню одинокого человека. Все здесь было просто, без изысков — грубая функциональность быта. Недопитый стакан чая, вчерашний стейк, уже покрывшийся тонкой пленкой времени. «Нальешь кофе?» — ее вопрос прозвучал просто и уместно, как будто она всегда здесь сидела.

Я пожал плечами. «Тебе с молоком?»

«Да, только без сахара». Ее глаза смотрели прямо на меня. И в них было то же ожидание — ожидание или избавление. Избавление от того, что мучило не одну ночь, что запиралось на тяжелый замок ожидания, запретное и желанное одновременно. От чего сводило скулы и не давало дышать.

Я посмотрел на нее, сделал шаг. Она встала. И в миг наши тела прильнули друг к другу, словно близнецы братья, наконец-то нашедшие друг друга в скупой действительности. Я не целовал ее — я пил. Пил ее жадно, как путник, добравшийся до воды в пустыне. Она, прижавшись ко мне всем телом, тихо дрожала — мелкой, частой дрожью пережитого страха или ожидания. Я чувствовал эту дрожь всем существом, и внутри у меня гудело, как от раскатов колокола после долгой тишины.

«Где у тебя ванна? Мне нужно принять душ». Ее голос был приглушенным, хриловатым.

Не в силах оторваться от ее упругого тела, я лишь открыл дверь и пропустил ее вперед. «Быстро», — пробормотал я, хотя сам не знал, что это значит.

Я плюхнулся на кровать. И это всё? Никаких «это после свадьбы»? Или «нам надо получше узнать друг друга»? Вот так просто и незамысловато? Разве так бывает? Разве это я — тот самый, кто вечно смотрит на жизнь из-за стекла, не решаясь постучать? Неужели я вытянул тот заветный билет, о котором втихомолку мечтают все, но боятся в этом признаться даже себе?

Мои размышления прервали быстрые, легкие шаги в коридоре. Она вошла в комнату и сбросила полотенце. В тот

миг я пожалел, что у меня нет камеры под рукой. Если на этом свете и было что-то прекраснее, то оно находилось сейчас здесь, в моей убогой комнате, залитой тусклым светом уличного фонаря. И это, несомненно, была она. Диана. Единственная реальность в мире, состоящем из теней и осколков.

Долгий, хриплый гудок встречной машины врезался в сознание, как нож в масло. Вернул. Вернул в реальность, которая внезапно стала вертикальной. Дорога резко рванула вверх, будто пытаясь сбросить нас назад, и там, на подъеме, сжалась в каменный горлышко, узкое до неприличия.

Я вдавил педаль тормоза глубже. BMW завыл, как загнанный зверь, почуявший клетку. Он рвался вперед — скорость была его религией, его оправданием. Но тут уже была не дорога, а горная тропа, вырубленная для коз да отчаянных голов. Неожиданность. Глупая, опасная неожиданность.

Габариты авто были зажаты в тиски: с одной стороны — холодная, серая щека скалы, ободранная до голого камня, с другой — пустота. Бездонная, молчаливая, дышащая сырým холодом снизу. Адреналин ударил в виски, горький и пьянящий. Я сбросил обороты до минимума, до тягучего, невыносимого урчания. Руки на руле дрожали мелкой, нерв-

ной дрожью. Я почти не видел дороги — лишь смутную полосу пыли под колесами. Движение стало животным, инстинктивным — тело вело машину, разум отступил, парализованный.

«Ты уверен, что мы здесь проедем?» — обернулась она. Голос Дианы был тихим, но в нем не было паники. Был лишь холодный, отстраненный интерес.

«Судя по следам, тут уже кто-то отметил», — выдавил я, чувствуя, как челюсти свело от напряжения. Следы. Чьи-то, давние, едва заметные в грязи. Призрачное утешение.

«Ну, хорошо», — заключила она, отворачиваясь к окну и явно стараясь не смотреть в ту зияющую пустоту. «Стараюсь не смотреть в пропасть». Еле слышно пролепетала она.

Наше испытание растянулось еще на целую вечность. Я вел машину, как по канату, ориентируясь не на разметку — ее тут и в помине не было, — а на шершавую, неприступную стену скалы. Сантиметр за сантиметром.

«Неудивительно, что здесь нет нормальных дорог», — пробормотал я, не отрывая глаз от серой стены в двух пальцах от зеркала. «Черногорцы прятали где-то тут мощи святого Василия от турок. В таких местах и прячут. На краю света. Здесь и монастырь основали.»

«Смотри, вроде впереди пошире», — указала Диана.

И точно. Тропа внезапно сдалась, развернулась, и я, не веря своему счастью, плавно, на выдохе, вкатил на крошечную площадку, большие похожую на уступ. Парковка. Конец. Тупик, но прекрасный, долгожданный тупик.

«Всё», — выдохнул я, заглушив двигатель. Внезапно наступившая тишина оглушила. Я вытер платком пот со лба, соленый и холодный. «Можно выходить. Конечная. Чаевые водителю приветствуются».

Диана, распахнула дверь и вышла, чуть пошатываясь. Потом обернулась, и на ее лице дрогнула нервная, сбивчивая улыбка. Похоже, эта поездка была для нее не просто дорогой. Это было пограничье ее страхов. И мы его пересекли.

Впереди темнела каменная громада обители, прилепившаяся к скале, как последнее пристанище от всех ветров. Мы вошли внутрь, и тишина обрушилась на нас — густая, почти осязаемая, пропитанная запахом каменной сырости, воска догоревших свечей и чего-то еще — может, старых молитв, навсегда впитавшихся в эти стены.

Шла служба. Священник в тяжелых, потемневших от времени ризах мерно выводил слова, и голос его, глуховатый

и усталый, сливался с сумраком. Людей было немного — горстка теней в полумраке. Но вера в них горела тихим, упрямым огнем. Кто-то стоял на коленях, вжавшись в холодный камень пола, кто-то, сжав кулаки, шептал отчаянные, немые молитвы. Здесь, в этом подzemелье тишины, все казалось сценой из какого-то другого, давно забытого мира — мира, где отчаяние имеет вес, форму и право на голос.

Мы с Ди молча встали в хвост очереди к мощам. Они покоились в простом гробу, наполовину прикрытые выцветшей голубой плащаницей. К ним подходили по одному — медленно, с той особой, замедленной грацией глубокой надежды или глубочайшей усталости. Когда подошла моя очередь, я шагнул вперед — не от смелости, а от какой-то внутренней необходимости, будто долг надо было исполнить. Преклонил колени, губы коснулись грубой ткани. И я молился. Отчаянно, без слов, одним сплошным сгустком тоски — за мать, за себя, за Ди. И за ее Киру — маленькое, незнакомое мне имя, которое теперь вдруг стало частью этой тихой паники.

Краем глаза я увидел ее. Она стояла, сжав руки, и на ее лице была написана такая нагота надежды, такая беззащитная, исступленная вера в чудо для своей девочки, что мне захотелось снова опуститься на колени и просить, просить до тех пор, пока не сорвется голос. Она молча заняла

мое место у гроба, а я, не оборачиваясь, пошел к выходу, давась комом в горле.

Через несколько минут она вышла. По ее лицу текли слезы — две ровные, молчаливые струйки. Она отворачивалась, пытаясь их скрыть, сделать вид, что это всего лишь тень от свечи. Я не сказал ни слова. Просто обнял ее, притянул к себе, в складку своей нелепо красной майки.

Просите, и дано будет вам. — вдруг прорезало память обрывком давно забытого.

Она уткнулась лицом мне в плечо, и сквозь тонкую ткань майки я чувствовал жар ее слез. Они были обжигающими. Сердце сжалось, стало тесно и больно. Я молча гладил ее по спине — легкие, неумелые движения, будто боясь сломать что-то хрупкое в ее согнувшихся плечах. Гладил, как гладят испуганного зверя, который нашел временное укрытие, но все еще слышит за спиной лай псов.

Роковой обгон

Побродив здесь еще около часа — просто так, без цели, подчиняясь тому праздному любопытству, что иногда берет верх над осторожностью, — мы купили пару безделушек на память. Потом засобирались в обратный путь.

Мысль о том, что придется снова проползать по той же горловой петле, не настораживала — она пугала. Откровенно и глубоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.